ТЕРЕЗА
ВАЙБОРН

18+

ПРИВЕДИ МЕНЯ К ИСТИНЕ

Young Adult. Одарённая кровью

Тереза Вайборн

Приведи меня к истине

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вайборн Т.

Приведи меня к истине / Т. Вайборн — «Эксмо», 2026 — (Young Adult. Одарённая кровью)

ISBN 978-5-04-257866-3

Я столкнулась с худшим предательством, какое только можно представить, но даже не подозревала, что настоящие испытания только начинаются. Измученная пытками, лишенная своего дара, я оказалась втянутой в самую гущу заговора. Моя реальность рухнула: дело, за которое я сражалась, оказалось ложью, а истинный враг гораздо ближе, чем я думала. Единственный, кто держит в руках ключ к моему будущему, – принц Кристофер, чья манипулятивная любовь стала единственной константой в моем сломанном мире. Смогу ли я принять эту раздробленную правду и простить предателей, прежде чем чужие амбиции разрушат не только Элтренс, но и меня саму?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-257866-3

© Вайборн Т., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Плейлист 6
Посвящение 7
Обращение Кэсседи к читателям 8
Часть 1 9
Глава 1 11
Глава 2 17
Глава 3 25
Глава 4 31
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Тереза Вайборн
Приведи меня к истине

© Тереза Вайборн, 2026
© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Плейлист

Она – следствие чужих решений, но в финале станет их концом.
Alex Warren – Ordinary
The Rigs – All the King's men
Simon Curtis – I Hate U
Katie Garfield – Warfare
Omido – Never Ever
Stephen – Crossfire
Falling In Reverse – God Is A Weapon
Pauline Seaver, Rail Thompson, Sidxkick – Не Буди
Tom Odell – Can't Pretend
Jutes – Parasite
Ymir – Creep
The Pretty Reckless – Make Me Wanna Die
Bad Omens – The Death Of Peace Of Mind
Motionless In White – Another Life
Bambie Thug covers – Zombie by The Cranberries
Breaking Benjamin – So Cold

Посвящение

Я написала вторую часть еще подростком, но переписывала ее снова и снова, каждый раз видя путь своей героини иначе – как она меняется, как растет внутри, как по-новому разворачиваются события вокруг нее. Эта история стала финалом не только для Кэсседи, но и моим собственным. Прощанием с детством. С той хрупкой, упрямой, важной частью меня, которая долгое время держалась за руку с этой героиней.

Мы прошли с ней через многое, шаг за шагом, чтобы однажды моя Кэсседи наконец смогла встретиться со всеми вами.

Обращение Кэсседи к читателям

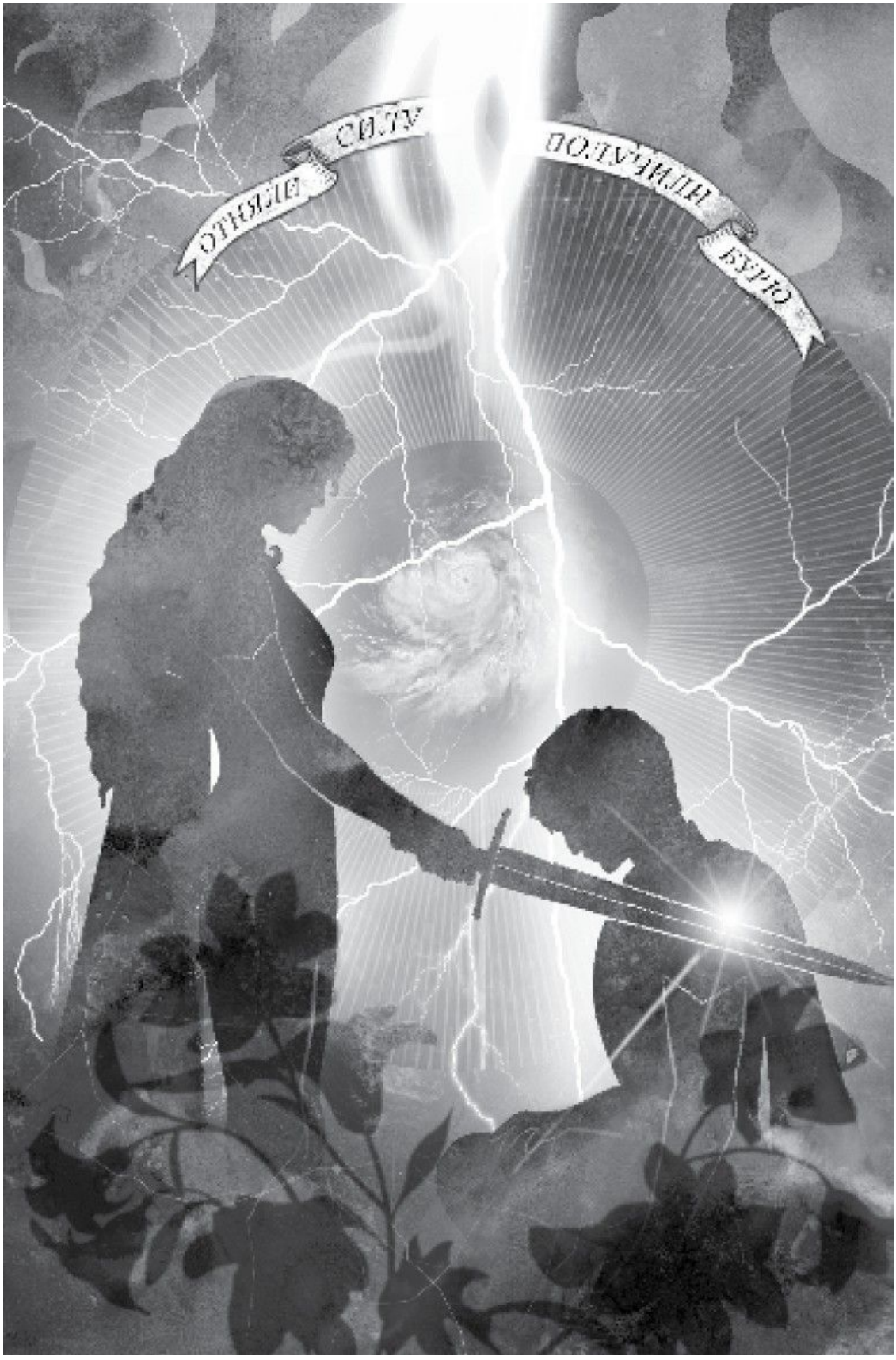
Дорогие читатели моей истории,

С радостью приветствую вас в моем мире – мире, который порой кажется мерзким и фальшивым, мире, описаниями которого меня кормили с самого детства.

Теперь я обладаю гораздо большим знанием, но это лишь капля в море того, что мне еще предстоит открыть. Я прошу вас о помощи в этом путешествии: станьте моей опорой и поддержкой, ведь в одиночестве каждый шаг дается значительно тяжелее.

Я надеюсь на вашу искренность и верность, и прошу вас не повторять ошибок тех, кто уже вонзил нож в мою спину.

Часть 1
Мой мир – ловушка

Глава 1
Кристофер

– Ты что, собиралась убить меня на глазах у всех? – я вырвал руку из захвата Гейлы, и лед мгновенно покрыл мои пальцы. – Или просто хотела проверить, насколько быстро я среагирую?

Девушка, недавно приставившая клинок к моему горлу, схватив перед этим за локоть, сейчас лишь усмехнулась и отступила.

– Проверяю. Ты слишком беспечный для наследника престола. Если бы я была твоим врагом, ты бы уже лежал у подножия этой горы.

– Если бы ты была моим врагом, я бы не позволил тебе подойти так близко.

Гейла закатила глаза и развернулась, направляясь к основанию скалы.

– Пошли. Или ты предпочитаешь остаться здесь и наблюдать за очередными слезами новеньких?

Мы начали взбираться. Ветер усиливался с каждым метром. Я старался не смотреть вниз, где у стен академии копошились фигуры одаренных. Они были похожи на насекомых, мечущихся в поисках выхода из банки.

День эксперимента D-7 давно завершился, но его последствия тянулись до сих пор. Выжившие, усталые и совершенно не понимающие, как контролировать свои внезапно проявившиеся силы, толпились у высоких дверей Академии Одаренных. Они с тоской осознавали, что теперь застряли здесь, как в клетке. Один за другим их заносили в базу, превращая в безликий товар: имя, показатели, дар.

Тех, кто мутировал, конечно, уже заперли. Они медленно гнили за железными антимагическими решетками дворца: их кожа была изуродована, а разум навсегда потерял последние остатки человечности. Переродышей дрессировали, как диких зверей, пока они не научились безоговорочно подчиняться любой команде, и только после этого выпускали в город, чтобы следить за нарушителями.

А те, кто умер? Кто знает. Возможно, их уже бросили в общую яму под звуки нашей любимой и лицемерной фразы: *«Да здравствует король! Да здравствует эра мира!»*. Возможно, прямо тогда где-то на отшибе сидела мать, держа обгоревшее тело ребенка на коленях, шептала молитвы, которые никто не слушал, и до последнего верила, что ее дыхание вернет в него жизнь. Но чуда воскрешения не случилось, и ей пришлось отпустить труп любимого человека, постаравшись не разбить себе череп о холодное надгробие.

Беглецы, конечно, не выжили бы. Их нашли бы по следам и начали бы угрожать семьям, после чего показательно казнили бы, чтобы другим было неповадно. Всем давно было известно: никто не смел переходить на сторону Мэлгарба, каким бы чудовищем тот ни был.

И все же, может быть, кто-то успел. Кто-то прокрался в глубь леса, зарылся в настолько глубокую нору, что даже дикий зверь не посмел напасть, понимая, что человек обречен.

Возможно, даже животные были способны к большему состраданию, чем людишки. Кто-то решил, что лучше смерть в темноте, чем жизнь под когда-то алым солнцем Элтрейса, которое из-за появления магии стало настолько ярким, что перед глазами то и дело мелькали пятна.

И они были правы.

Атмосфера в Академии Одаренных порой была удушающей. Стены этого высокого белого здания были пропитаны чужими разочарованиями и печалью. Дети, долгое время лишенные родительской любви и заботы, постепенно привыкали к новому образу жизни, обеспеченному лишь питанием и теплом. Сначала они забивались в угол, ожидая боли и страданий. Затем, медленно адаптируясь, начинали радоваться тому, что оказались здесь, где есть свежая еда и хорошая крыша над головой. Но это чувство редко бывало долговечным. Многие из них и спустя год сохраняли в глазах неизбывную тоску, ведь они пролили слишком много слез.

Скучая по своим семьям, терзаясь осознанием того, что одаренные навсегда расставались с теми, кого любили, подростки до последнего искали способы установить связь с близкими.

Однако теперь их всех объединяло одно: даже те, кому здесь нравилось, смотрели на меня с неприкрытой ненавистью. Я был сыном тех, кто разрушил их семьи, тем, кто восседал на троне рядом с отцом во время казней. Вот уже второй год я маячил перед их глазами живым напоминанием о том, что, несмотря на улучшение условий, они оставались запертыми, тогда как я казался им свободным и мог уйти куда захочу. Но эта «свобода» существовала лишь в их глазах; по сути, я был таким же рабом системы, просто обладавшим привилегиями.

У меня никогда не было дома, куда бы я желал вернуться. Говорили, что в родном месте тебя встречали улыбкой, теплыми объятиями и совместными посиделками, но во дворце на меня смотрели с холодным ожиданием исполнения долга. Я был наследником, а не ребенком. Мама бывала добра лишь изредка, когда вспоминала о существовании сына, но чаще ее мысли были сухими и безжизненными, словно зачерствевший торт, лишенный всякой мягкости.

– Чувствуешь, что все здесь мечтают увидеть тебя со свернутой шеей? – с улыбкой спросила Гейла, заметив, что я смотрю вниз.

– О, ты тоже этого хочешь? – усмехнувшись в ответ, я цеплялся за скалистый выступ, продолжая взбираться все выше и выше.

– Нет, – ответила она, плетясь позади меня. Неожиданно она выругалась так неприлично, что я невольно улыбнулся. Ее нога сорвалась с выступа, и острые камни тут же содрали кожу, залив ярко-голубые кроссовки. – Ненавижу карабкаться.

Гейла мгновенно залечила рану, и стянувшаяся кожа осталась лишь слегка покрасневшей.

– Тогда зачем лезешь?

Она продолжила взбираться, не торопясь продолжить разговор.

– Чтобы доказать себе, что могу.

Эта девушка была участницей иллюзии во время нападения на Кэсседи. Ее лицо стало одним из образов, выследивших нас и «убивших» Коралину. Причина была в том, что парень, создававший ложь, был влюблен в Гейлу, но теперь он был мертв и никогда не рассказал бы об этом.

Иллюзия была опаснейшим из даров: она делала ложь настолько совершенной, что даже бой невозможно было отличить от реальности. Но немногие выдерживали такую силу – одаренные постепенно сходили с ума, теряя грань между настоящим и вымыслом. Поэтому академия держала владельцев иллюзий под строгим контролем, подавляя их дар при первом же неповиновении.

Единственными же реальными противниками в лесу у стен лагеря были мутанты-переродыши. Настоящие монстры…

Одаренные обучались в академии не только искусству управления своими силами, но и непрестанно укрепляли физическую выносливость. Никто здесь не сражался насмерть. Случаи выхода дара из-под контроля происходили, но это всегда было лишь роковой случайностью.

Например, воздушники могли превращаться в ветер, растворяться в его потоке, но не все были способны вновь обрести плоть и форму. Конечно, существовали единичные случаи, но их цена была слишком высока, и потому подобные эксперименты строго запрещались.

Никто до конца не знал, что происходило с теми, кто не вернул свои тела. Возможно, они летали над нами подобно призракам, смешались с ветром и навсегда растворились, и его завывание – их слезы по утраченным возможностям. А может, они просто сбежали и теперь находились далеко отсюда, не желая возвращаться.

Не все секреты нам было суждено открыть миру.

– Когда там уже конец пути? – снова заговорила Гейла и задрала голову.

– Хотелось бы это знать. – Не думаю, что я ответил на ее вопрос, ведь меня не волновала эта гора.

– Какой полезный из тебя собеседник…

Вспоминая Гейлу четырехлетней давности, я поражался переменам. В год ее прибытия мы с отцом участвовали в отборе для его армии. Девушку привезли родители – обычно так не делали, но она была особым случаем. Семья Гейлы принадлежала к богатому дому Кондов, лишь немного уступавшему Труецким в могуществе. Они жили на юге и контролировали поставки свежих фруктов. К тому же она была моей кузиной, которая почти никогда не появлялась во дворце, избегая нашей семьи.

Отец, желая показать уважение дому Кондов, сообщил, что ученые проверили их дочь и гарантировали ее выживание во время экспериментов. Если семья пожелает, она может остаться здесь.

О да, они мечтали превратить ее в солдата дворца.

Гейла была чуть старше меня – в тот год ей исполнилось восемнадцать. Черные волосы ниже лопаток скрывали ее хрупкую фигуру, словно погребальное покрывало. Она дрожала, как испуганная птица. Озиралась на всех вокруг как на врагов, была трусливой и хотела убежать, спрятаться, залезть в самый темный угол, чтобы ее никогда не нашли. Глубинный страх девушки перед ранами, кровью и смертью был настолько силен, что ее сила сама стремилась исцелять даже самые незначительные царапины.

К тому времени я уже обладал своим даром, хотя никогда не был участником D-7. Почти никто не знал правды: препарат мне ввели еще в пятнадцать лет. Обычно я лгал или уводил разговор в сторону, скрывая это. До этого я был болезненным мальчишкой, постоянно жившим на таблетках. Тело медленно отказывало: слабели руки, ноги переставали слушаться, а частые обмороки почти лишали меня нормальной жизни.

Я вполне мог не пережить введение препарата.

Это ложь, что в каждой пробирке заключен свой дар: магия не продается, она или сама выбирает, что ты заслуживаешь, или же дает те способности, что были у твоих предков. Под контролем находился только дар крови, потому что он не являлся обычной магией – это была энергия, которой напитался король Малакай, когда его друзья прибыли ради спасения народа.

В легендах умалчивалось о том, что после победы в битве король пал. Его дар насытил меч, созданный из магии правителя, но забрал всю кровь при последнем ударе по врагу. Меч нашли, и из него извлекли последнюю энергию правителя, что еще теплилась внутри. Это сделали древние жрецы, хранившие знания о магии: они надрезали рукоять и позволили крови стечь в ритуальный сосуд, после чего запечатали его. У следующих наследников уже был свой дар, поэтому сила предка хранилась как реликвия. Никто не подозревал, что однажды ее можно будет использовать, пока не развилась наука и не начались эксперименты… Единственное известное всем правило: дар оставался лишь у тех, кто принадлежал к правящим. Неважно, из какого королевства ты родом, главное – быть законным наследником трона. У того, чья кровь иная, дар не жил дольше пяти лет, пожирая тело одаренного.

Это проверяли, и проверка была жуткой, энергию едва успели собрать назад, выкачав кровь до того, как носитель погиб. Сосуда он создать не смог. В отличие от Кэсседи, чей дар принял форму брони вместо меча.

Все эти войны за дары унесли множество жизней среди простого народа. Так погибнут и те, кому магия так и не досталась. Останутся лишь избранные – те, кто родит детей с геном D и получит уколы с дарами. Тогда население королевства вернется к истокам, когда магия была частью повседневной жизни, а не редким, из ряда вон выходящим чудом.

Нет, меня не привлекала эта перспектива, но магии я был благодарен за одно: лед поработил мое тело, остановил болезни и сделал меня сильнее, чем я когда-либо мог мечтать стать. Я получил жизнь – разве это не высшая награда? Удивительно, что я пережил укол. Теперь

я ни в ком не нуждался и ни от чего не зависел: больше не захлебывался слюной во время припадков, и мои кости больше не ломались от малейшего удара о тумбочку.

А Гейла? Она больше не боялась ранений – теперь она знала: все можно исцелить.

– Наконец-то, – выдохнула девушка, забираясь на вершину и садясь рядом со мной.

Гора здесь была искусственной, созданной для тренировок, но ничем не уступала настоящей: не зная, и не отличишь.

Конд нарастила мышцы, покрылась шрамами – в основном от ранений магией, а не мечом или выстрелом. Шрам мог остаться, если только оружие заранее пропитывали даром: небольшой, почти незаметный, но все же неприятно напоминающий о прошлом.

Родители Гейлы хотели, чтобы она перестала быть плаксой – и она перестала. Теперь она нагружала себя так, что у нее просто не оставалось времени для того, чтобы сидеть и оплакивать свою жизнь.

– Когда вернешься во дворец? Или еще надолго в ссылке? – спросила девушка и наклонилась ближе.

– Через месяц уже буду там, – ответил я, глядя в ночное небо, в котором лишь изредка мерцали отдельные звезды.

Видя эти крошечные искорки серебристого света, разбросанные по бездонной тьме, я вспомнил один из приступов злости Кэс. В тот день ее мама была на работе и обрабатывала мою очередную рану, когда девочка позвонила ей. Ее голубые глаза, залитые слезами и полные гнева, смотрели прямо в камеру ночника, а затем она начала ругаться так, как будто была уличной бродяжкой. Столько нецензурной брани от маленькой плутовки не ожидала услышать даже родная мать. Несмотря на слезы, Кэсседи четко повторяла: «Ненавижу отца» – снова и снова.

Как я понял позже, он уничтожил ее маленькие звездочки, которые она собирала с особой любовью. С тех пор мысленно я называл ее Звездочкой – милым прозвищем, которое я так и не осмелился произнести вслух при нашей первой встрече. Потому что уже тогда я знал: *я предам ее.*

– Когда вернешься, выбери меня в личную охрану, – попросила Конд, не давая мне слишком глубоко увязнуть в своих мыслях и толкая в плечо. – Я устала от учебы.

На самом деле больше всего ее утомляло то, насколько трудно здесь найти настоящих друзей. Да, Гейла была участницей эксперимента, но семья, к которой она принадлежала, и жизнь в роскоши сделали из нее мишень: *«Она не из наших – враг, притворяющийся другом».*

Такая же метка была и на мне, да и Джонатану Труецкому тоже досталось. Пока семья не забрала его, он пробыл здесь почти год после получения дара, еще и был младше остальных. За весь тот год мы почти не общались, разве что когда я приезжал сюда.

Покинуть академию было сложнее, чем дворец: здесь была сосредоточена вся магия и находились лучшие учителя – те, которые когда-то и сами были одарены. Да никто особо и не пытался прорвать этот купол. Зачем? Здесь тебя кормили, ты знал, что твою семью тоже обеспечивают и близкие в гораздо большей безопасности, чем раньше.

Побег считался эгоизмом; на такое решались лишь одиночки, у которых никогда никого не было.

– Зачем мне охрана? – усмехнулся я, глядя вниз с вершины. Наклонись немного больше вперед – и падение с такой высоты могло сломать нежные ребрышки. Интересно, сколько выдержит тело одаренного? Наверняка раньше кто-то уже падал, но я никогда не интересовался подробностями. Прыгать точно не собирался.

Я знал лишь одно: мы вполне способны пережить падение с пятого этажа – при условии, что управляем даром не первый год и тело полностью адаптировалось к нему, пропиталось силой и окрепло.

– Посмотри на свои шрамы, – указала она на лицо, наполовину изуродованное ожогами. – Жуть какая… Не верю, что Кэс потеряла контроль и случайно подожгла тебя. Это явно был намеренный удар и почти смертельный.

Гейла ничего не знала: лишь мои сухие объяснения вроде *«моя девушка потеряла контроль»*. Она не была знакома с Кэсседи по-настоящему и ей было известно только то, что та считалась потерянной принцессой и ее забрали из лагеря мятежников.

Тогда я слишком увлекся: позволил девушке и другим начать борьбу со мной. Спектакль следовало закончить сразу после бала: убить всех, кроме нее и Джонатана. Но я не хотел проливать столько крови и убрал лишь того, чья смерть причинила бы мне гораздо меньше боли, чем гибель Кайла или Муэля, с которыми я постоянно общался в лагере. Смерть Дарена Кэс не пережила бы, и я лишь ранил его, недостаточно сильно, чтобы он успел истечь кровью, не найдя помощи. Не будь он так важен ей, и я бы без сомнений прикончил его: *он мне совсем не нравился.*

Лирашу было жаль… но с этой болью я справлялся. Все ради цели. Мне было приказано показать серьезность намерений семьи, и я доказал готовность пойти на многое. Теперь отец и мать полностью доверяли мне, а мои шрамы по всему телу только укрепляли их уверенность. Не стану же я жалеть тех, кто сделал со мной подобное.

Эти раны – мое напоминание о том дне и последнее прикосновение Кэсседи.

– Давно общалась с родителями? – продолжая сидеть рядом, мне стало интересно, навещают ли они Гейлу и следят ли за всеми переменами в дочери.

Девушка задумалась. В ее глазах мелькнуло раздражение, словно Конд мечтала никогда больше их не видеть.

Гейла ненавидела, когда от нее что-то требовали или указывали, что делать – так всегда поступал ее отец.

– Год назад навещали, – ответила она, выдыхая так глубоко, будто хотела опустошить легкие и больше никогда не наполнять их воздухом.

Это еще одна причина, почему ей так трудно найти друзей: она могла видеть родителей, пусть те и навещали ее редко. Никого не волновало, что она предпочла бы засунуть голову в петлю или броситься в огонь, лишь бы не провести с ними и часа в гостевой комнате.

– Ты поэтому хочешь во дворец? Чтобы они наконец отстали?

– Еще чего! – усмехнулась девушка и направилась к спусковому тросу, чтобы не карабкаться вниз самостоятельно. – Я просто хочу покинуть эту проклятую академию и еще раз доказать тем ребятам, которые нас ненавидят, что деньги моей семьи позволяют мне делать все, что захочу. Хочу попасть в охрану? Пожалуйста. Без всяких экзаменов.

– Как ты перестала быть той дрожащей девочкой?

– Мне сломали жизнь.

Она ухватилась за трос и начала спускаться, а я решил еще немного полюбоваться звездным небом, понимая, что, если к Кэсседи вернется память, она станет такой же сломанной, злящейся на мир и пустой. Обеих девушек отправили туда, куда те попадать не хотели, управляли их жизнями. И никто не спросил: *«А чего хочешь ты?»*

– А ведь ты обязательно попытаешься убить меня, – прошептал я, понимая, что влюбился в девушку в тот самый миг, когда она оставила мне шрамы.

Кэс. Она всегда притягивала, как чертова звезда. Мне нравилось наблюдать – подглядывать, если быть честным, – слушать ее вечно недовольный, злой голос из ночника. Это давало ощущение свободы, которой у меня не было. Ее жизнь… по сравнению с моей… была наполненной. Кэсседи играла с тем другом, дралась, колотила стену от ярости, сбегала. А я? Я чувствовал себя запертым, и каждый раз, не имея возможности сблизиться с ней – не мог дышать.

Я привязался. К ее гневу, ее слезам, ее маленьким победам. Проживал ее эмоции, потому что своих почти не осталось.

Со временем Кэс стала звонить маме реже. Зато рассказы Коралины о дочери всегда были со мной, словно аудиодневник: ее истории о непоседливой девчонке, которая плевала на все планы. А потом… потом ее использовали. И мать, и мятежники. И я.

Глава 2
Кэсседи

Меня огорчало то, как быстро исчезали из памяти приятные воспоминания. Стремительно, словно лед под первыми лучами весеннего солнца. Они были как шарик, который уже начал подниматься в небо, но ленточка, привязанная к детской руке, не позволяла ему взлететь. И вот одно неловкое движение – и она развязывалась. Ветер уносил шарик все дальше. Он был ярким, с красивым рисунком, только я вот уже не помнила: это папа подарил мне шарик или мама принесла его с работы в честь окончания младшей школы?

Тревога росла, затягивая разум серой пеленой. Даже самые родные лица начинали исчезать: сначала родинки, потом цвет глаз, голос, которым они впервые звали меня по имени. Память ускользала, и я сжималась в холодном углу, томясь в смертельном одиночестве. Старые мученики в своих клетках уже были убиты, а новых перевели бы сюда только утром. Если кто-то еще остался…

Да, можно быть самым сильным и одаренным, но, если тебя достаточно долго ломают и запирают в клетке, от тебя остается лишь оболочка и тихий шепот воспоминаний о том, что когда-то все было иначе. Но даже эти мысли со временем исчезают, облегчая страдания.

Запах гниющих стен впитывался в каждую клетку моего тела, вызывая отвращение. Мысли путались, страх сжимал изнутри, сердце не прекращало биться в панике. Я не знала, сколько дней провела в этой тьме – время потеряло смысл. Возможно, меня держали здесь месяц. Возможно, год.

Каждый день был мучением. Я засыпала и снова просыпалась, словно в кошмаре без выхода. Люди в клетках напротив менялись, а я все еще оставалась здесь… Всегда здесь.

Еда, которую проталкивали сквозь щель, вызывала тошноту. Издевательства стражников, их смех и пытки стали частью моего существования, а я – их игрушкой. Но даже это было лучше, чем когда меня выводили наружу.

В такие дни ржавые решетки тюрьмы больше не казались уродливыми. Они стали моим домом. Я радовалась, когда меня возвращали сюда. Все здесь было лучше, чем в комнате пыток.

Раньше я слышала оттуда чужие крики. Потом среди них появились и мои.

Тюрьма королевского дворца была местом, где терялись человеческие души. Там царила атмосфера ужаса, смерти и безысходности. Я видела, как другие заключенные постепенно исчезали внутри себя: их лица, когда-то полные надежды, теперь искажали отчаяние и злоба. Каждый из них был напоминанием о том, как легко сломаться под тяжестью постоянных мучений.

Стены словно пропитались ненавистью, а скрип дверей каждый раз возвещал новый кошмар. Любой звук заставлял меня хотеть спрятаться глубже в собственном сознании и больше никогда не возвращаться.

Иногда я была готова отдать им все. Рассказать то, что они требовали. Сдаться – лишь бы эта боль прекратилась. Но я снова и снова запирала эти мысли внутри.

Когда от тебя зависят жизни детей, семьи и даже чужих людей, ты не имеешь права выбрать только себя. *Даже если очень хочется.*

Услышав тяжелые шаги охранников, приближающиеся по каменному полу, я почувствовала, как тело охватила дрожь.

«Только не снова».

Охраной оказались двое мужчин лет тридцати. Даже без магии я ощущала их силу – их тела выглядели высеченными из камня.

Замок клетки щелкнул. Охранники схватили меня под локти и потащили в камеру пыток.

Когда дверь открылась, меня, грязную и обессиленную, снова бросили на пол.

Со вчерашнего вечера там ничего не изменилось. Та же большая, хорошо освещенная комната. Тот же белый кафель, который слуги отмывали от крови. Серые стены, похожие на шерсть крыс, бегущих в моей камере.

На возвышении стоял трон.

Король смотрел на меня скучающим взглядом своих больших карих глаз.

– Встань.

Тихий приказ, произнесенный мужчиной в дорогих омерзительных одеждах, заставил желудок сжаться. Я боялась его.

Я попыталась подняться, но рухнула обратно на кафель. Руки были связаны за спиной, и я ничем не могла помочь себе, чтобы остановить падение; лицо ударилось об пол, и из губы потекла кровь. Тогда охрана поспешила ко мне и поставила на ноги.

Рядом с троном возвышались два железных столба, достигающие высокого потолка. К ним были прикреплены специальные веревки, которые невозможно было разрезать, оборвать, сжечь или повредить иными способами (раньше я старалась, когда оставшиеся крупицы моей магии, еще не исчезнувшие после отравы, пытались меня спасти. Но затем магия исчезла полностью, будто ее никогда и не было). Король указал на них охране, и меня понесли вперед.

Они развязали мои руки лишь для того, чтобы снова закрепить их на столбах.

Король вновь кивнул. С меня резко содрали и без того рваную футболку, оставляя до пояса голой. Я не чувствовала себя смущенной от того, что сейчас я до омерзения обнажена и не могу прикрыться; потому что знала, что именно сейчас будет…

– Где лагерь? – снова спросил он.

Неужели Кристофер ничего не рассказал им? Или, если рассказал, зачем тогда это повторяющееся представление, которое я наблюдала каждый раз, когда приходила в себя?

– Катись в пропасть, – прохрипела я.

Что-то было не так; иногда создавалось впечатление, что дело вовсе не в лагере, мятежниках или в чем-то подобном. Дело во мне. Каждый раз они давили на меня. Рассказывали о том, как убьют мою семью, как уже убили единственную подругу и друга.

Момент смерти Лираши стоял перед глазами. Иногда они снова заставляли меня видеть это, чтобы сломать. Они показывали гибель ее родителей, хотя это не мое воспоминание. Показывали мир, обреченный на гниение изнутри, людей, которых я могла бы спасти, но не спасла.

Они хотели заставить меня принять эту боль как свою.

Но это была лишь попытка уничтожить мой разум.

Их ошибка была в одном – они верили, что я действительно считаю себя ответственной за всех. Да, я была принцессой и наследницей. Но меня никогда не учили быть спасительницей королевства.

Мне было жаль этих людей. Но разве я виновата в том, что они умирают? Нет.

Так чья же это вина? Вина правителей, которые не смогли сдержать дедушку Кристофера и позволили ему взойти на трон, а затем внедрить эксперимент повсеместно? Они позволили делать это всем людям, даже зная, как работает магия и что существует специальный ген. Они могли бы попытаться рассказать правду народу. Все нынешние попытки мятежников устроить переворот были глупы и медленны. А мой отец лишь управлял нами, как солдатиками, в надежде, что кто-то из нас нанесет точный удар. Он даже меня отправил сюда, несмотря на то, что считал мою силу важной.

– Двадцать ударов плетью! Так, чтобы еще месяц она не могла дышать без боли, – приказал король. Спускаясь с трона, он направился к выходу, но замедлил шаг, чтобы услышать первый удар.

Мы все умрем в этом гребаном мире.

– Не волнуйтесь, ваше величество, – бросила я, позволив себе последнюю язвительную каплю яда. – Я уже и не помню, как это – дышать без боли.

Я была готова принять новую порцию страданий от своей самой верной спутницы – плети.

Шрамы предательски зачесались. Скоро их станет больше, хотя, казалось, на моей спине уже нет места для их появления.

Я услышала свист замаха, и через секунду удар обрушился на спину, а из глаз брызнули обжигающие слезы. Я не закричала лишь потому, что уже начинала терять сознание от прошлых ран, которые не успели зажить и вновь открылись.

Вот бы скорее уснуть…

– Когда-нибудь ты сломаешься. Все ломаются рано или поздно, нужно лишь подождать, – улыбка короля была сравнима с пощечиной.

Он развернулся на каблуках и хлопнул дверью.

Последовал второй удар. Горячая кровь потекла по спине, а я все еще до изнеможения прикусывала губы. Третий удар. Четвертый. Пятый. Удар за ударом, и мир кружился все сильнее, а боль становилась невыносимой. Двенадцатый удар, и я не выдержала. Мир со всех сторон начала накрывать тьма. У меня возникло ощущение, что даже стены оплакивали меня – их серые краски потекли по камню, оставляя следы, похожие на слезы.

Одаренные сильны, но не бессмертны. Я знала, что наши тела способны вынести подобную боль, но, к сожалению, они не перестают ее чувствовать.

Да и я уже все больше походила на обычного человека.

Мир был темным. Осталось лишь ощущение, как меня тянут по полу за руки. Снова открылась клетка, и мое тело выбросили прямо в грязь, в остатки вчерашней рвоты, которую так и не убрали.

Решетку не спешили закрывать. Послышался легкий свист, и в меня резкой струей полилась чуть теплая вода с травами локодорола, которые обжигают, ослабляют, но действуют на раны обезболивающе. Вода била так, что я хотела умереть прямо сейчас. Она смывала грязь и кровь с тела и пола.

Раны давали о себе знать: я не могла перевернуться, поэтому жидкость попадала только на них, и я плакала, изнывая от ощущения, будто под кожу засыпали соль.

Все закончилось. В клетку зашел стражник, вытер тело полотенцем, намазал мои раны мазью, от которой пахло так, что невозможно было разлепить глаза. Мне дали чистую серую футболку и штаны свободного покроя, но я не смогла переодеться. Ни в тот день, ни на следующий… Я еще долго не смогу встать.

Дышать было больно, двигаться невозможно. Я лежала пластом и царапала ногтем пол. Я не думала, что будет так тяжело, не предполагала, что со мной сделают такое.

А чего я ожидала? *Я ждала, что принц придет, чтобы воспользоваться моим даром, но за все это время ни разу его не видела. Я ждала, что меня кинут в клетку и будут морить голодом, как и всех остальных, но нет.* Кормили меня нечасто, но так, чтобы я оставалась жива, меня мыли, давали чистую одежду, но и били с такой силой, что ноги переставали держать.

Я не видела себя в зеркале уже очень давно. Интересно, на кого стала похожа? Что с моим телом? Я не помнила, когда в последний раз могла сама стоять на ногах без поддержки.

Моя плоть умирала быстрее, чем мозг.

Иногда мне казалось, что никто не придет за мной, никто не попытается меня спасти. Умру здесь одна – избитая и никому не нужная, каждую секунду мечтая о смерти. Я боялась наступления дня, забивалась в угол от любого звука.

В груди комом горчила беспомощность. Тянуло сдаться, раскрыть все карты, сломаться, как тот ребенок, который боится и не знает, что делать дальше.

– Но ведь я не хочу умирать, – прошептав эти слова, я ощутила, как от страха из глаз потекли слезы.

Чьи-то горячие руки погладили меня по голове. Запах. Такой знакомый: свежая выпечка, утреннее солнце и костер. Совсем не похожие на ароматы тюрьмы.

– Ну и видок. Я думал, что твои тюремщики выглядят плохо, но ты переплюнула даже латексные костюмчики, – голос Кайла звучал почти у самого уха, так тихо, что я решила, будто это галлюцинация.

Я слегка вздрогнула, но не посмотрела в его сторону. На моей клетке было несколько камер. Сейчас Кайл невидим, но лучше не рисковать.

– Ничего не говори, не произноси мое имя, – попросил он, и я понимала почему – любой неправильный звук выдаст нас. – Прости, что так долго не приходил, прости, что оставил тебя одну.

Я из последних сил повернула голову, утыкаясь лицом в пол, чтобы не было видно, как шевелятся мои губы, и чтобы стража не решила проверить, говорю ли я сама с собой или с кем-то другим. Я сделала вид, что уснула.

Прослушки не было. Что еще раз доказывало: им не так важны мои знания, как желание разрушить мое тело.

Однажды ночью я прошептала в темноту, что готова все рассказать, всех сдать… Но никто не пришел. Наутро было так же тихо. Это дало мне шанс тысячу раз все переосмыслить и мысленно влепить себе пощечину за ту минуту слабости.

– Я не в порядке, но тебе здесь оставаться нельзя, – прошептала я, надеясь, что он слышит.

Его теплая ладонь коснулась моих волос. Раздался всхлип. Такой чувствительный и ранимый Кайл вызывал тепло в груди, потому что обо мне давно никто не беспокоился, не проявлял ни грамма доброты.

– Мэлгарб поможет, он ищет способ спасти тебя и убить Кристофера. Обещаю, что мы убьем его, – нервно выдохнул Кайл.

– Чертежи?

У меня была хоть какая-то надежда, что гениальное оружие, которое мы должны были выкрасть, уже создано.

– Они фальшивка, никакого оружия не существует.

Я громко втянула воздух и сдержала попытку истерически рассмеяться, потому что знала, что так будет лишь больнее.

Мы так старались, шли сюда, а в итоге проиграли: потеряли участницу команды, подругу… Чертежи оказались ложью… Принц обманул нас во всем, и я была уверена, что таким способом он просто заманил меня сюда.

Но зачем столько сложностей? Когда я еще была слаба, он мог просто закинуть мое тело на плечо и притащить к отцу. Видя силу принца в лесу, я не сомневалась, что он в любом случае победил бы меня. К чему было позволять идти в лагерь, обретать семью и друзей? Влюблять в себя? Зачем такие повороты?

Видя меня такой, Кайл прошептал:

– Я хочу попытаться вытащить тебя.

Мы оба понимали, что это невозможно, и играли в игру: *«Убеди меня, что у нас есть хоть один шанс»*.

– Ты не можешь, – мое сердце почти остановилось от того, что я сама это сказала.

Обессиленная до дрожи, я не могла бежать. И если он попытается поднять меня, я закричу. К тому же на моем пальце было что-то вроде обручального кольца, издающего легкий, предательский писк всякий раз, когда я приближалась к решетке.

– Мне плевать, ты не должна отдуваться за всех нас. Я не хочу, чтобы ты терпела эту боль.

– Нас обоих убьют.

– Умереть за тебя – неплохая идея.

Кайл сел рядом и крепко сжал мою руку. Когда мы стали такими близкими друзьями? Когда появилась эта глубокая связь, будто мы всегда были одной семьей?

– Я убью их всех, обещаю, – прошептал он.

Это было не просто обещание, а клятва. Среди крови и грязи он обогревал меня своим телом, лежа рядом, не обращая внимания на обстановку. Я упивалась его запахом и этой близостью, пытаясь перенести свои мысли за пределы дворца, спрятаться в лесу у обрыва с людьми, которых любила.

– Оставь мне Кристофера.

Я представляла, как беру принца за голову и бью его об этот кафельный пол в комнате пыток. Как ломаю ему палец за пальцем, ломаю ноги и руки, и все это время он кричит, умоляет прекратить.

Тюрьма делала меня жестокой.

– Я все равно хочу попытаться спасти тебя.

– Не давай мне надежду. Я не могу шевелиться, не могу убежать. Тебе бы теперь самому выбраться отсюда.

Дальше мы сидели с Кайлом в тишине, прощались, не зная, что сказать. Например: *«Надеюсь, увидимся, если тебя не убьют!»* – как глупо.

– Скажи маме, что я люблю ее, и не говори никому, в каком я состоянии, – попросила я. – Скажи, что они пытались узнать о местонахождении лагеря, но не пытались причинить мне боль, лишь просили перейти на их сторону.

Что я такое говорю? Разве всегда я не защищала только себя? Брось всех, чтобы спастись самой… Где та девушка?

– Зачем мне врать? Да никто и не поверит…

– Сделай так, чтобы поверили, потому что в противном случае Дарен ворвется сюда один и погубит себя, а мама не выдержит, узнав о моем состоянии.

Семья друга была в безопасности, и теперь ему нечего терять; не нужно его провоцировать.

– Как ты можешь просить меня о подобном? Тогда скажи им, где лагерь. Лагерь сразу же перенесли, ведь о нем знал принц, так что назови им старое место.

– Не думаю, что это решит проблему… Они желают, чтобы я сдалась, а если я сдамся, то они сломают меня.

Губы Кайла коснулись моей щеки, по которой текли слезы. Я слышала, как он осторожно встал, стоило охраннику открыть клетку и войти внутрь. Ему пришлось бежать сейчас, иначе он был бы вынужден ждать, когда решетку сдвинут снова. Кайл успел уйти, и его присутствие там больше не ощущалось. Дверь оставалась открытой, а охранник продолжал стоять на месте.

Чего мы ждали?

Сюда направлялся король.

– Как ты? – спросил правитель. – Времени прошло немного, но мы решили: если ты не расскажешь нам все, что нужно, – тебя казнят. Маленькое, бесполезное создание. Если не хочешь подчиниться, тебя проще уничтожить. Чтобы не досталась другим.

– Почему ваш сын не скажет об этом? – съязвила я, за что получила звонкую пощечину от охранника.

– Какая самоотверженность! – смех короля наполнил тюрьму. – Несите ее в комнату! – приказал он охране.

Меня так и не казнили. Каждый новый день в темной камере казался мне неизменным продолжением предыдущего. Дни сливались в одну бесформенную массу отвратительных мгновений жизни, где любое из них было пронизано мучениями, а дыхание напоминало о том, что между мной и полной бездной отчаяния лишь тонкая грань, и она безумна. Все счастливые моменты прошлого вытекли через кровь, испарились через шрамы.

Пахло мочой и плесенью. Где-то за стеной капала вода. Раз. Два. Три. Капли падали в одну и ту же лужу. Звук отдавался в висках.

Мои дни начинались и заканчивались одинаково: глухие шаги стражей за дверью, скрип клетки, запах гнили.

Сегодня снова пытки?

Плеть. Плеть. Плеть. Удар. Удар. Удар.

Казалось, прошел еще один месяц… Или на самом деле это все был один бесконечный час?

– Если сегодня быстро закончим, Его Величество обещал дать отгул.

Я очнулась от чужих голосов и смеха.

Когда меня снова притащили в клетку?

– Да и погода наконец-то нормальная. Жаль весь день в подземельях торчать.

Второй недовольно хмыкнул.

– Не напоминай. Дочка сегодня первые шаги сделала. Жена сказала, вечером покажет еще раз.

– Повезло тебе.

– Еще как. Только бы успеть до того, как уснет.

Он говорил о дочери так тепло, будто через несколько минут не собирался ломать человеку кости.

В груди что-то болезненно сжалось. А ведь для них между этими вещами не существовало противоречия. Монстры, не считающие себя монстрами. У них есть жены и дети. Люди, которые любят.

Никто из них не был заперт здесь.

Тогда почему я должна?

– Только бы успеть до дождя. С утра солнце, а к вечеру, говорят, затянет тучами.

Я закрыла глаза.

Солнце.

Я вдруг поняла, что не могу вспомнить, каким оно бывает. Горячим? Обжигающим? Все еще красным? Или уже другой оттенок? Какое оно было для меня в последний раз?

Реально ставила меня на колени и унижала.

– Да хоть бы дождь, – ответил другой. – Лишь бы отдохнуть.

Дождь.

Я попыталась вспомнить его запах. Влажную землю. Холодные капли на лице. Шум листьев.

Ничего.

Стражники снова засмеялись, а потом открыли дверь моей клетки.

Меня ударили по лицу, уже не задавая никаких вопросов. Пинок в ребра выбил последние остатки воздуха. Кто-то схватил за волосы и швырнул мое тело к стене. Я ударилась головой и отключилась. В следующий раз я снова проснулась привязанной под громкий смех охраны, обсуждающей, как у них прошел отгул.

Мне так хотелось выйти отсюда. Уже неважно куда, только бы подальше от подземелья.

Сначала мой протест был силен. Мне не хотелось утрачивать себя и свои мысли, потому что я знала: прежней мне уже не стать.

Каждый раз, когда они пытались вырвать из меня признание или информацию, я до крови закусывала губу и смотрела им в глаза с презрением. Я клялась себе, что молчание – моя единственная защита. Но чем дольше длились страдания, тем слабее становилось мое сопротивление, угасало и презрение. Оно превращалось в запуганного маленького зверька, запертого в клетке с хищником.

Все, что осталось от моего тела, – это тень, крупица той девочки-подростка, которая думала, будто мир сошел с ума. Тогда я еще не знала, что такое настоящее безумие. Я начала понимать, что борьба больше не имеет значения, и каждое новое утро встречала со все меньшим энтузиазмом.

Я помнила, что когда-то солнце светило алым, и я желала увидеть его истинный свет; но теперь мне хотелось лишь вернуться в прошлое, в котором я боялась экспериментов, ссорилась с отцом и матерью и бегала по лесу с Дареном. Это воспоминание давало мне силы.

Но и эти силы иссякли.

А кто такой Дарен? Что он для меня значит? Ничего.

Лираша? Умерла. Вот же ей повезло. Мне, наверное, тоже пора.

Кристофер? Кажется, я ненавижу его… Да, определенно.

Моя плоть больше не могла выдержать ни боли, ни страха. Все. Я больше не хотела, больше не могла.

Меня окутал холодный покой. Я больше не чувствовала себя одаренной, избранной; не ощущала себя жертвой. Нет, я признала, что всегда ею была. Когда все внутри меня оборвалось, я приняла свое поражение как истинное освобождение. Я сдалась не потому, что не могла больше сражаться, а потому, что больше не хотела этого делать. И стоило сделать шаг в тень, сама тьма приняла меня в свои объятия.

– Назови имена каждого из своей команды, скажи, где лагерь и какие секреты таит твой отец.

– Я скажу вам все, – вымученно произнесла я, ослабевшая и отрекшаяся от самой себя.

– Хорошо, видишь, ты можешь быть хорошей девочкой.

Он больше ничего не спрашивал. И это доказывало, что им не нужна была информация.

Охранник в очередной раз вынес меня из клетки, и я решила, что он снова понесет меня на пытки. Но несмотря на это, я не оказывала сопротивления.

– Никто не собирается тебя бить, – заверил король, и его ладонь коснулась холодной кожи моего лица.

Я даже не вздрогнула, будто все вокруг уже не ощущалось так, как раньше.

Уставшее тело усадили на кресло. То же самое, на котором я оказалась во время эксперимента. Руки и ноги приковали, спина болела, и я просто хотела уснуть.

В комнату вошел ученый. Он подошел, достал из своего халата шприц и, прежде чем сделать укол, протер мою шею спиртом. Затем ввел иглу, инъецируя фиолетовую жидкость.

Мне было все равно, что это и зачем. Комната погрузилась в странный танец. Я видела яркие огни, кружащиеся стены, а затем все начало постепенно темнеть. Мир вокруг ускользал, и это приносило удовольствие. Я ощущала, как тело становится тяжелым, а разум расплывается в бесконечности. Каждое движение и слово стало далеким и незначительным.

Наконец пора спать.

Глава 3
Дарен

Пробудившись от шума в палатке, я увидел, что мой сосед Кайл Филс вернулся. Он отсутствовал две недели, и никто не знал, где он был. В последнее время его поведение стало странным, но парень никому не рассказывал о том, что происходило у него в голове.

Атмосфера в лагере часто становилась напряженной и угрожающей. Среди пленников, которых мы освободили, не все были хорошими людьми. В тюрьме находились не только мятежники, но и преступники, которых не убили лишь потому, что король получал от них какую-то информацию, которую они нам никогда не раскрыли бы. Как только они слышали, что их хочет допросить главнокомандующий, они перекусывали себе языки. Самое странное, что больше всего они боялись королевы, лишь упоминание о ней заставляло их тела дрожать. Даже я не знал, что могло так сильно их напугать. Королева казалась мне прекрасной женщиной, чье сердце было разбито и растоптано королем.

– Где ты был? – настороженно спросил я, пока Кайл не успел исчезнуть снова.

– Уходил подумать, – спокойно ответил он.

Парень выглядел побитым. На его лице были синяки, а на руках – порезы, казалось, будто он отчаянно сражался и едва выбрался живым.

– На две недели?

– Иногда мысли занимают слишком много времени, – выдохнул он и, прихрамывая, вновь покинул нашу палатку.

Кайл что-то скрывал, и это меня раздражало. Мы были знакомы с ним совсем недавно, но даже я понимал, что раньше он себя так не вел. Там о нем отзывались как о жизнерадостном шутнике, но теперь по его виду этого не скажешь. Он приходил поесть, постоянно тренировался и ругался с Мэлгарбом. Напряжение росло: собственный солдат больше не слушался. За такое могли бы и убить или больше не брать на миссии, но Коралина защищала его – заступалась всякий раз, когда Адам хотел отстранить Кайла от любых дел. Я знал, что рыжий переживает за Кэсседи, и я тоже переживал… Все мы переживали.

Я не видел ее так давно… Как она там? Кормят ли ее? Кайл что-то знал, но почему-то молчал. Главнокомандующий тоже располагал информацией о Кэсседи, ведь Муэль пытался взломать все доступные камеры, и несколько попыток оказались удачными. Но Адам не говорил нам ничего конкретного, лишь повторял:

«Она в порядке», «Они пытаются с ней договориться», «Она нужна им живой, поэтому король никогда не навредит Кэсседи».

Становилось ли легче от такой информации? Нет!

Калеб, мальчик, которого она спасла, безбожно тренировался, забывая обо всем на свете. Он сблизился с Адамом, потому что мог говорить с ним о спасшей его девушке. Мэлгарб сам подошел к мальчику и стал вести себя как его отец. На самом деле это радовало, так как бывший раб чувствовал себя защищенным.

Но иногда, наблюдая за его тренировками, мне казалось, что он учится отражать чужие атаки, копируя противника, но возвращая удар с куда большей силой. Будто каждая боль, которую ему когда-то причинили, теперь обрушивалась на врага вдвойне. В его глазах, как и у многих мятежников, горела одержимость уничтожить каждого, кто разрушил его жизнь, заставить их испытать ту же боль.

Однажды Труецкий, наблюдая за ним, лишь усмехнулся:

– Очередной юнец думает, что спасет мир. Как и все, кого отправили во дворец в тот день. Это приведет лишь к новой катастрофе.

Он не воспринимал его всерьез и, как и от большинства детей, предпочитал держаться от него подальше.

Октябрь почти закончился. Надев униформу и застегнув черную куртку, я вышел из палатки.

Новый лагерь находился в глубине леса, где на каждом шагу встречались старые дубы с почти полностью опавшими листьями и высокие сосны. Если пройти всего пятьдесят метров от лагеря, можно было увидеть водопад и бурную реку. Палатки были расставлены так, чтобы взор обращался в сторону города Монлел. Да, он был очень далеко, но все же он был где-то там, за пределами деревьев, *там был* наш дом, *там находилась главная резиденция нынешнего короля* и *там же была Кэсседи*.

В этом лесу оказалось ровно десять неизвестных водопадов, которые не отображались на старых картах. В трех из них скрывались пещеры, где хранилось оружие и припасы для лагеря на случай чрезвычайной ситуации.

Над лагерем всегда был защитный купол, который выдержал бы первые удары нападения и позволил бы всем успеть проснуться. Но он точно не продержался бы до момента, когда люди смогли бы сбежать. Также существовали тайные пути в скалах, но о их точном расположении знали лишь приближенные к Мэлгарбу.

Народу там было столько, сколько мог вместить маленький городок и пара деревень вроде Элти, расположенной к югу отсюда. Та почти опустела из-за последнего эксперимента D-7. В ней было много совершеннолетних и тех, кому до дня рождения оставалось меньше месяца. В том году снова не было отбора, забрали всех принудительно. Несогласных убивали, устраивали показательные порки и сжигали… Это был худший год из всех, потому что мятежники начали давать о себе знать, направляя информацию в народ, и в городах посеялись сомнения о том, что короне все еще нужно подчиняться.

Живя в вечном страхе, ты ломаешься. Иногда устаешь настолько, что перестаешь видеть разницу между жизнью под властью Доласов и смертью за то, чего действительно хочешь.

Из имеющихся у нас людей можно было собрать неплохую армию, но там так же было много детей и тех, кого мы спасли из тюрьмы. Большинство из них были сломлены и ни на что не годились.

Я быстрым шагом огибал палатки, направляясь на новую изнурительную тренировку, которую отец Кэсседи устраивал нам каждый день. Мне нравилось заниматься до боли в мышцах, становиться сильнее – и я стану таким, потому что мне нужно защищать не только себя. В этом лагере находились моя семья, мои новые друзья и семья Кэсседи, и я должен был защитить их всех.

Я всегда был тем, кто берет на себя много ответственности за других. Иногда приходится делать выбор, опираясь на то, кого любишь больше, чтобы суметь защитить. Но сейчас я твердо убежден: хочу спасти всех, кроме одного…

Джонатан был единственным, кто мне там не нравился. Он был грубым, высокомерным и часто устраивал бои без правил. Этот парень не знал границ дозволенного и постоянно делал то, что ему вздумается.

– Сумасшедший, – зарычал я сам себе под нос, схватившись за голову, стоило вспомнить моменты, когда Джонатан высказывал свое никому не нужное мнение и шел наперекор главнокомандующему, будто лучше знал, что делать будущему королю.

– Совсем спятил, – раздался смех за моей спиной, и я почувствовал, как меня охватывает злость. – Сам с собой разговариваешь, Вейн.

Он никогда не обращался по имени, постоянно сокращал мою фамилию – Вейнсен.

– Не смей лезть ко мне в голову, урод, – бросил я Джонатану, не оборачиваясь.

– А ты попробуй закрыться от меня, – снова послышался его смех.

Я убью его…

Этот парень не тренировался вместе с нами. Он и Кутерш, новая правая рука Мэлгарба, постоянно ссорились, и в итоге его назначили нашим учителем. Джет учил нас закрывать разум от врагов, противостоять дарам других. Но именно его уроки у меня не получались. Мой разум всегда был как на ладони, что бы я ни делал.

– Желание защитить всех вокруг, не расставляя приоритеты, погубит тех, кого ты на самом деле любишь, – ухмыльнулся он.

Я не выдержал и со всей силы ударил его в челюсть.

Джонатан не сдвинулся с места и лишь сжал губы в тонкую линию, а затем слизнул каплю крови. Он был силен и умен, и это делало его еще более неприятным, потому что я хотел быть таким же. Особенный мальчик с двумя дарами, бывший капитан одной из армий короля. Он убивал таких, как я, несогласных и бунтующих, а теперь ходил среди нас, будто ни в чем не виноват. Его никто не любил.

Не понимаю, как Кэсседи могла общаться с ним – мерзкий тип.

– Ты же специально злишь всех. Тебе так нравится боль? Нравится, когда тебя ненавидят?

Казалось, он просто сумасшедший, и, похоже, природа не наградила его умом.

– Хм, попросил бы, я буду поумнее тебя, – без шуток произнес он и его глаза, чернее ночи, пристально посмотрели в мои, позволяя магии Джонатана снова проникнуть в мою голову.

– Ну конечно, – отмахнулся я от него, стараясь подавить злость.

– Знаешь, что я постоянно слышу в твоей голове? – тихо прошептал он, и я клянусь, этот звук был только в моем разуме. – Зависть. И. Нытье.

Разозлившись еще сильнее, я схватил его за края рубашки и потянул на себя.

– Зачем ты лезешь ко всем? Пытаешься заглушить пустоту внутри? Не смог защитить Кэсседи и теперь ненавидишь себя за это? Если хочешь ей чем-то помочь, тогда возьми себя в руки и постарайся, а не сходи с ума! – выпалил я ему в лицо и пихнул обратно на землю.

– В отличие от тебя, я не виню себя за все на свете. Мои возможности были ограничены, и я знал, что нужно вытащить других. Я не рвусь в бой на эмоциях, а вот ты – да. Не нужно путать свои размышления с моими.

Я оттолкнул его, но он поднялся и пошел следом. Джонатан молчал, и это бесило меня еще сильнее.

Полнейший придурок…

Мы дошли до открытого участка леса, где нас уже ждали Майра, Кайл и другие. Там было всего около тридцати человек – маленький спасательный отряд, который сформировался, когда Кайл ушел на неделю. Теперь он удивленно смотрел на нас, готовящихся попасть во дворец.

– Почему так мало людей? – не выдержал Кайл.

– А ты хочешь идти туда армией, Филс? У нас в лагере способных к бою всего десять тысяч человек, все остальные находятся в других точках и не смогут сражаться. Тогда как армия короля состоит из немыслимого количества людей. Ты предлагаешь убить всех ради одной девушки? – не повышая тона, спросил его Мэлгарб.

– Эта девушка – ваша дочь! – воскликнул Кайл.

Его злость была понятной, но никто не любил, когда он начинал перепалку с главнокомандующим.

– Спасать одного человека, теряя всех, неблагоразумно. Она сейчас лишена дара и не сможет ничем помочь, так что встань в строй, солдат, и соблюдай порядок.

Адам не верил, что Кэсседи вернула дар. Он считал, что нас обманули, потому что в ином случае с ее силой мы не могли бы проиграть какому-то принцу. Будто бойня была такой же иллюзией, как тогда, когда я пытался помешать семье подруги скрыться. Это было странно: казалось, Адам пытался убедить всех, что рисковать ради его дочери не стоит. Я думал, что родители стоят горой за своих детей, но он таким не был.

Иногда я слышал его перепалки с Коралиной и замечал, что их отношения сильно охладели. Женщина переселилась в соседнюю палатку и тренировалась с остальными. Когда-то она была выдающимся ученым, но теперь она была просто одаренной, которая желала вытащить своего ребенка из когтей врага.

– Я был у нее. Вы хоть представляете, что они с ней делают!? – не сдержавшись, Кайл закричал, его голос дрожал от эмоций.

Джонатан и я резко обернулись к нему.

– Что они с ней делают? – спросил Труецкий, наклонив голову, краем глаза он следил за реакцией Адама. Тот лишь на мгновение нахмурился, и в этот момент парень улыбнулся, словно нашел в этом что-то забавное.

Обстановка накалилась до предела, и в воздухе повисла тишина. Все напряженно ждали, что скажет Кайл, но он продолжал молчать.

– Они держат ее в тюрьме, медленно сводя с ума, – произнес он тихо, и его слова повисли в воздухе.

Странно было наблюдать, как его пыл угасает, словно он что-то пытается скрыть.

Джонатан внимательно разглядывал Кайла, его зрачки расширялись, а кадык нервно поднимался и опускался. Он, казалось, увидел что-то в его мыслях, и это напугало его, но Кайл упрямо молчал. В конце концов, он развернулся и ушел с тренировочного поля.

Черт возьми, почему они не могли просто рассказать, что происходит? От их молчания никому не станет легче, но нет же, им нужно все держать в тайне, мучиться в одиночку, и все равно оставаться немыми.

Готов поспорить, что они унесут свои секреты в могилу.

Адам не стал пытаться давить, чтобы узнать, что скрывает Кайл, думая, что парень сам зайдет к нему сегодня. Главнокомандующий просто начал тренировку с разминки, приказывая нам пробежать восемь километров вокруг купола. И мы послушно побежали.

На улице было холодно. Лето давно закончилось, уступив место осени, окутывающей все своими серыми пеленами настолько быстро, что казалось, словно тепла никогда и не было вовсе. Листья на деревьях окрасились в яркие оранжевые оттенки, а некоторые уже полностью опали. Воздух наполнился запахом дождя и сырой земли. Время стало течь иначе, климат изменился. Теперь почти постоянно было холодно.

Мы пропустили день рождения Кэсседи, уже второй… Как могло пройти два года? Нам было по двадцать, но я чувствовал себя старше, будто прошло несколько десятилетий. Вся эта обстановка, наши потери оставили свой след.

Кэсседи так любила осень. Ее лицо расцветало улыбкой, когда она наслаждалась красочным увяданием природы. Она обожала хруст опавших листьев под ногами, звук дождя за окном и прохладу.

Но я не разделял ее увлечения. Мне всегда был по душе жар летнего солнца. Лето – мое время года. Осень же казалась мне серой и холодной, лишенной человечности. Осень приносила с собой смерть, зима – сон, весна – пробуждение, а лето – желание жить.

Сняв куртку, я бежал в одной футболке, и моя кожа покрывалась мурашками. Зима уже была не за горами. Как много времени прошло с тех пор, как мы покинули родной дом и отправились в это опасное путешествие, полное угроз? Как много времени прошло с тех пор, как нам не нужно было просыпаться в страхе?

Нет, не верил, что прошло уже два года… Я скучал по тем временам, даже по своей грязной работе. Но ту жизнь пора было отпустить.

Я знал, что раньше Кэсседи сказала бы, что мы еще совсем дети для таких испытаний. Что когда-нибудь все это закончится, ничто не длится вечно, даже эта борьба против эксперимента.

Мысли о Белонс кружили в голове, и я не мог сосредоточиться на беге. Земля, слегка покрытая инеем, ассоциировалась у меня с Кристофером, и это заставляло стараться еще силь-

нее. Хватит с меня смертей, хватит крови. Я хотел верить, что мир может быть лучше, что в нем есть место для добра.

Я бежал по тропе, вдыхая свежий воздух, наполнявший легкие чистотой. Я стремился ускользнуть от своих собственных страхов и сомнений. Но чем дальше я убегал, тем ближе подбирались тревожные мысли. Я несся вперед так быстро, как только мог, пока не достиг финиша. Мэлгарб удовлетворенно кивнул мне, давая понять, что я улучшил свой результат, и направил меня к площадке для метания ножей.

Взяв нож и выбрав самое дальнее дерево, в первый раз я промахнулся и попробовал еще раз.

Клинок едва достиг цели, лишь поцарапав доску, прикрепленную к стволу. Я попытался снова и попал почти в середину. Нет, метание ножей – не мое, и, похоже, никогда не будет.

Нервы были на пределе. Я решил пойти пострелять, чтобы успокоиться. Подойдя к самодельной стойке, я взял в руки ружье, прицелился, чувствуя, как дар наполняет оружие, делая любой выстрел опаснее, и спустил курок. Звук выстрела пронзил тишину. Моя мишень – кукла, похожая на человека, стояла вдалеке. Я выбил ей подобие мозга и почувствовал странное удовлетворение. Каждый раз, когда я стрелял, я представлял, что передо мной стоит принц, которого я убиваю.

– Кто это у нас тут разбушевался? – раздался низкий голос позади.

– Труецкий, удосужился вернуться? – передразнил я, направив ружье на него.

Джонатан стоял, скрестив руки, и совершенно не волновался из-за направленного на него оружия. Наоборот, его лицо было лишено эмоций. Только опомнившись, я заметил, что дуло теперь направлено на меня. Пока я думал, что нацелился на него, Джонатан успел покопаться в моих мыслях и заставить меня повернуть ствол в собственную сторону. Сволочь.

– Такой сильный дар, а достался придурку, – усмехнулся я, убирая ружье обратно, туда, откуда его взял.

– Этот придурок станет главным в операции по спасению Кэсседи, – спокойно ответил он на мою грубость и направился к площадке для метания ножей, а я остался стоять на месте, ошарашенный.

Операция по спасению?

Что?

Когда они решили, что он будет главным?

Мы точно такого не обсуждали.

Это было логично: его дар был самым сильным, он сможет бесшумно проникнуть в замок, и никто его не заметит. Но что, если он не сможет оттуда выйти? Мэлгарб уже выяснил, что у короля есть нечто, блокирующее любой дар, но как это выглядит и как действует – было неизвестно. Именно поэтому мы еще не перешли к наступлению; нельзя было так рисковать.

Прошлый их план почти полностью провалился. Да, они спасли людей, но лишились Лираши, а Кэсседи поймали, и всем этим тоже руководил Труецкий.

Вокруг главного замка в воздухе висели мечи, и стоило приблизиться к стенам без разрешения, как они тут же проткнули бы твое тело своими лезвиями. Именно туда переехал зимовать король со своей семьей. Это место было сосредоточением зла. Когда нам вкалывали вирус, мы видели огромное количество летающих оружий и посчитали это частью декораций. И только недавно я узнал, что это было сделано для того, чтобы никто из одаренных не вмешивался, а участники не пытались сбежать. Эти бездушные лезвия не победили бы нас, но отвлекли бы, забрали бы ценное время, и мы проиграли бы.

– Мы скоро встретимся, Кэсседи Белонс.

Отчасти мне хотелось обсудить с девушкой многое, потому что последние два года кое-что во мне изменили, и я испытывал за это стыд. Казалось, будто я предал подругу детства.

Глава 4
Кэсседи

Я пробыла в темноте слишком долго. Открыв наконец глаза, я испугалась. Больше не было решеток, зловония мочи, криков – ничего. Приятный запах чистых простыней создавал сильный контраст с тем, что мне приходилось нюхать. Я оказалась в незнакомой комнате, которая по размеру была раз в пятьдесят больше клетки, где я спала еще вчера.

Если это было вчера…

Вокруг меня все было слишком красивым. Пространство окутывала тишина, не нарушаемая ни слезами, ни звуком моего дыхания. Лишь изредка доносился шепот ветра, проходящего сквозь открытое окно.

Вспомнив о своих страхах и переживаниях, я ощутила, как сердце забилось быстрее.

Неужели все это было всего лишь сном?

Пахло ванилью. Меня укрывало мягкое, пушистое одеяло, а под головой была удобная прохладная подушка. В комнате тепло. Спина не болела, но двигаться я все равно не могла, словно у меня не было тела. Ноги и руки онемели. Я не могла пошевелить даже пальцем…

Мне сломали позвоночник?

Может, я мертва?

А если это так, то я могу наконец отдохнуть?

Невозможно, чтобы было так хорошо, это невозможно! Должен был быть какой-то подвох.

Тишина. Она убаюкивала и дарила спокойствие. Как давно я не испытывала такого наслаждения? Не хотелось ни пить, ни есть. Это было блаженство. Наверное, я уже отправилась в мир богов? Я решила немного полежать. Хотелось еще поспать.

Закрыла глаза и лихорадочно открыла их вновь.

Паника обхватила меня, как холодные пальцы принца, сжимающие мою грудь. Мысли не давали покоя, метались, словно живые существа, запертые в ловушке, в которой вот-вот закончится кислород. *«Неужели я действительно позволила себе сдаться?»* – этот вопрос звучал в голове, отбиваясь эхом, не находя ответа. Я не могла поверить, что оказалась там, в этой комнате, в одиночестве, без оков, но с ощущением, что что-то не так. *«Они бы не отпустили меня просто так»,* – шептала я себе, пытаясь найти хоть какую-то логику в этом абсурде.

Я попыталась поднять свое тело, но усилия обернулись неудачей. Рука, казалось, была привязана к невидимым цепям, и с каждым движением слабость лишь усиливалась. Меня вновь клонило в сон. *«Боги, пожалуйста, что не так?»* – в отчаянии я начала дышать чаще, стараясь вернуть себе контроль, пытаясь подвигать пальцами ног. Но ничего не выходило. *«Что они сделали? Что произошло?»*

В панике я начала осматриваться, не поднимая головы с подушки. Бело-лиловые стены комнаты были украшены картинами, изображающими мирные пейзажи цветочных полян на закате, но они не приносили успокоения. Мягкий свет ламп, рассеянный по углам, пытался создать уют, но мое сердце сжимала тревога.

Я чувствовала, что этот мир вокруг был чужим, будто меня просто переселили в клетку посимпатичнее.

Вспомнив, как мне что-то вкололи, я пыталась воссоздать картину, но образы разбегались, словно пазл с потерянными деталями. *Неужели это было не вчера? Сколько времени прошло с того момента на самом деле? Как долго я спала? Пару часов или пару месяцев, может лет?*

Легкая дрожь пробежала по телу. Так, уже лучше. Я попыталась встать, но ничего не получилось.

Давай, старайся лучше! – закричала я, но мой голос утонул в голове.

Неожиданно все мое тело проснулось. Оно начало подниматься и смотреть по сторонам, но я не управляла ни одним движением. Тело выбралось с кровати и пошло к зеркалу. Отражение, которое встретило меня, было неузнаваемым. Лицо сильно похудело, под глазами залегли синяки, напоминающие темное ночное небо. Каштановые волосы, когда-то густые и блестящие, теперь стали тоньше. Они свисали небрежными прядями, обрамляя лицо, которое казалось еще более угловатым и бледным. Но в этом изнеможенном облике было что-то новое, что-то, что подсказывало мне: *я все еще здесь*, и в когда-то голубых глазах, которые сейчас сильно поблекли, зажглись новые искорки – уверенность, которой у меня никогда толком не было.

Я повзрослела, и это было особенно заметно. Этот вид придали мне пытки или прошло уже настолько много лет? Присмотревшись, среди темных волос я заметила пару седых прядей, казалось, будто они покрылись плесенью.

– Выглядит ужасно, да? – голос прозвучал едко, с нескрываемой насмешкой.

До меня неожиданно дошло: *это не я…* Девушка в моем теле только что задала вопрос мне. И я тут же почувствовала нарастающий леденящий ужас.

Тогда где же я сама?

– Чего ты молчишь? Думаешь, нам стоит начать читать мысли друг друга? – язвительно спросила она моим собственным голосом.

Место, где я находилась, начало темнеть. Яркие цвета блекли и постепенно исчезали. Все стиралось, превращаясь в пустоту, в черную бездну.

«А что, если исчезну и я?»

Тьма окутывала, как плотный плащ, лишая возможности видеть даже свои собственные руки перед глазами..

Темнота поглотила меня полностью, но я все еще была здесь. *«Здесь? А где «здесь»? Я существую в какой-то другой вселенной? Я призрак? Может быть, это лишь иллюзия, порожденная моими собственными страхами?»*

Я закрыла глаза, пытаясь найти опору в этой тьме, но мне отвечали только тишина и пустота.

Девушка играла со мной, позволяя наблюдать за ней, когда сама этого хотела, и погружая меня в сон, когда я ее бесила. Свет сменялся тенью снова и снова.

– Поговори же со мной, я тоже здесь совсем одна, – внезапно прозвучал ее голос, но даже в этой жалобе сквозила наигранная театральность.

Кто ты? – спросила я внутренним криком.

– Та, кто долгое время находилась с тобой. Твоя «смелая» сторона, – улыбнулась девушка, но это было зловеще.

Было странно наблюдать за своим телом, которое продолжало жить отдельно от моего разума.

Где я? – спросила я, надеясь, что она знает ответ на этот вопрос.

– В моей голове, а точнее, в нашей общей. Ты спряталась в своем сознании.

Но как? Как я могла оказаться в своей же голове? Это невозможно.

– Все из-за твоего отчаяния. Они хотели стереть тебе память, изменить воспоминания, когда окончательно сломали тебя, но что-то пошло не так. Ты будто продолжала цепляться за какие-то чувства, не отпускала их до самого конца. В итоге ты забилась в угол, как и делаешь постоянно, когда не можешь себя контролировать. Ты постоянно пытаешься спрятать весь свой гнев и желания.

Почему-то я чувствовала, как меня охватывает ее липкая, жгучая неприязнь и омерзение, словно моя слабость унижала ее. Все ее эмоции передавались мне, как будто по какому-то общему каналу.

Получалось, что я сама олицетворяла внутренние ограничения, страхи и сомнения, и все это вырвалось на поверхность, когда я сдалась… Испугалась. Они пытались меня стереть… Мысли об этом обхватывали своими тонкими, как паутина, ниточками, заставляя чувствовать себя еще более уязвимой.

Но она… Я ощущала привкус ее силы на своих губах, неудержимый огонь в сердце, словно все мое желание жить, бороться, любить – все в ней. Она была моей темной стороной, олицетворением всех запретов и ограничений, которые я сама себе установила. Даже ее шаги были иными: я была той, кто всегда сомневался, слишком много думает о том, что должна сделать, а она просто шла вперед, рассматривала все вокруг.

Я чувствовала, как она презирает ту, что прячется в тени, как будто я – ее враг, мешавший ей быть свободной.

Но теперь, когда я знала об этой борьбе, я не понимала: *если я успокоюсь, смогу ли занять свое тело? Смогу ли объединить эти две части себя, чтобы вновь стать целой? Или я навсегда утратила контроль?*

В комнату кто-то постучал, и я испугалась: *«Буду ли я чувствовать боль, если с ней что-то сделают?»*

Я слишком устала, чтобы сражаться вновь.

– Ты не понимаешь, что сама создала эту проблему. Твоя слабость – не моя вина, – продолжала она, ее голос звучал как холодный металл.

Я закрыла глаза, пытаясь отгородиться от ее слов. Но их силу было не остановить.

Казалось, я все-таки сошла с ума, иначе происходящее и не объяснить было…

Кто-то продолжал стучать в дверь.

Она не пошла открывать, а лишь села на кровать и начала рассматривать ковер на полу, опуская на него босые ноги. Дверь открылась, и в комнату зашел он…

Кристофер.

Меня всю передернуло. Она же лишь подняла голову и усмехнулась ему в лицо.

Я чувствовала лезвие предательства в своем сердце, ощущала, как он проворачивал его, нажимал, наслаждался тем, как я истекала кровью. Каждый взгляд на его бледное лицо с острыми скулами вызывал у меня тошноту. Кристофер приближался ко мне, и в этот момент все внутри кричало: *«Беги!»* Но одновременно с этим возникало желание схватить его за горло, заставить почувствовать ту боль, которую я испытала. Я хотела увидеть, как он испустит последний вздох, чтобы хоть на мгновение ощутить удовлетворение.

Но тут мой взгляд задержался на серебряной маске, закрывавшей половину его лица. На ней было множество узоров, напоминавших сплетение тонких линий и завитков, переливавшихся, когда свет лампы со стены падал на принца. Каждая деталь казалась продуманной и значимой; я видела в ней небольшие лепестки нарцисса. Маска заканчивалась чуть выше линии губ, и я заметила шрам от ожога, который она скрывала не до конца.

Волосы его высочества отросли, ложась на плечи и выбиваясь из-за ушей.

– Кто это к нам пожаловал? – ее голос разыгрывал саму невинность, но в нем скрывалась насмешка.

Принц сделал шаг назад. Казалось, он не понимал, серьезно ли я его не знала или притворялась.

Значит, король сказал ему, что стер мою память, а он пришел проверить, так ли это.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он слишком официально, и это было на него не похоже. – Я ваш друг. Вы сильно пострадали и только недавно пришли в себя. Мне сказали, что вам нездоровится, поэтому я пришел проверить, все ли хорошо, – произнес он с беспокойством, улыбаясь.

Я помню, как ты убил мою подругу и пытался убить меня и Дарена. Я все помню! – кричала я внутри, билась о невидимый барьер, желая выбраться, и ощущала, как руководящая часть меня забавлялась ситуацией.

Его улыбка вызывала у меня раздражение.

Ему совсем не было стыдно?

Почему он смотрел на меня так, будто не совершил ничего плохого?

Почему притворялся, что он не злодей в моей истории?

Если ты монстр, будь им до конца!

Оказалось, принц изначально был чудовищем, которое искусно смогло притвориться человеком, а я повелась, как и любая маленькая девочка, мечтавшая о том, что кто-то ее спасет.

– Мой друг? – изображала она полнейшее непонимание и продолжала разглядывать его. *«Даже я не могла понять ее сейчас. Она действительно не помнит его? Притворяется? Играет?»*

Я должна была научиться быть с ней единым целым, иначе тело не вернулось бы ко мне.

– Ты помнишь меня? – добрый тон исчез, но и грубости в нем не было. Он спрашивал это с любопытством.

– Конечно! Что за игру ты ведешь? Попросил выйти за тебя, а теперь шутишь? – по комнате разлился самый ненастоящий смех, на какой она только была способна. Подойдя ближе, девушка обняла принца.

Эти слова ударили меня сильнее, чем плеть, которой я постоянно получала по спине.

Она отстранилась и уставилась на принца; в его глазах не было той искры, которую я помнила. Это была лишь маска. Не та, что закрывала лицо, вовсе нет, эта скрывала его чувства.

Девушка продолжала улыбаться, пока настоящая я желала выбраться.

– Это правда, я играл, – Кристофер наклонился, чтобы поцеловать меня, и она ему это позволила.

Его мягкие губы быстро коснулись моих. Это едва ли можно было назвать поцелуем – просто небольшой чмок, после которого принц прижал мое тело к своему. Объятия были слабыми, а руки не касались спины, скорее оставались в сантиметре от нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.